

Сяо Кань с любопытством поднёс к носу порошок с кончиков пальцев.

— Одурманивающее благовоние?

— Ммм, ты смог учуять? — Чжао Линьцзян поднял бровь.

Сяо Кань кивнул.

— В прошлый раз, когда ты измерял пульс, использовал именно это, верно? В нём есть солодка.

— Линьцзян!

Лекарь Чжао внезапно ворвался в комнату, чуть не заставив их выронить порошок.

— Отец, ты... ладно. — Чжао Линьцзян поспешно спрятал одурманивающее благовоние в рукав.

Лекарь Чжао нахмурился, принялся и сразу спросил:

— Четвёртый брат зовёт тебя. Подожди, ты снова взял моё успокаивающее благовоние?

— Успокаивающее благовоние? — удивился Чжао Линьцзян.

Лекарь Чжао, уверенно скрестив руки на груди, сказал:

— Пять ароматов в моём успокаивающем благовонии стоили мне больших денег, я купил их у Восточных Ху. Ты что, думаешь, это просто так из земли выкопал?

Чжао Линьцзян снова поднёс порошок к носу.

— Отец, это успокаивающее благовоние? Но как? Это же одурманивающее благовоние.

— Мальчик, разве я стал бы держать одурманивающее благовоние в комнате, чтобы ты его копал? Я давно его разбавил. Ты что, хочешь научиться каким-то тёмным искусствам? Ты думаешь, я не знаю, что ты копаешься в моих запасах?

Чжао Линьцзян замер. Сяо Кань тоже погрузился в молчание.

— Ладно, не забудь позже навестить Четвёртого брата. — Лекарь Чжао, видя присутствие Сяо Кана, решил не продолжать нотации и вышел из комнаты.

Они посмотрели друг на друга.

— Это... то, что ты дал мне в прошлый раз... было успокаивающим благовонием? — Сяо Кань с трудом принимал это.

— Ммм... — Чжао Линьцзян наконец понял, насколько он был неопытен.

Сяо Кань похлопал его по плечу.

— Ничего, она ведь не возражала, так что давай не будем вспоминать. Может, когда ты измерял ей пульс, она и так спала.

— Надеюсь, — сказал Чжао Линьцзян, чувствуя, что оба оказались в неловком положении.

Чжао Линьцзян дал Сяо Каню несколько успокоительных лекарств, и тот, взяв их, отправился

домой.

По пути он вдруг вспомнил одну вещь.

Той ночью, когда он пробрался в комнату Сун Юя, чтобы нанести лекарство, он использовал не одурманивающее благовоние, а это успокаивающее...

Это открытие заставило Сяо Кана застыть на месте.

Сун Юй, обладающий выдающимися способностями, вряд ли мог быть менее восприимчивым, чем обычные люди. Если Сяо Кань наносил лекарство на его руку без одурманивающего благовония, неужели Сун Юй ничего не почувствовал?

Так что же: спал ли Сун Юй той ночью, просыпался ли он, или он всё это время притворился спящим?

В любом случае, Сяо Кань почувствовал огромную тревогу, особенно потому, что он был уверен: Сун Юй не мог не заметить.

Если это так, то почему Сун Юй не отреагировал той ночью? Почему он притворился мёртвым?

Сяо Кань боялся даже думать об этом.

Время пролетело, и наступил праздник Дуанью, а Сун Юй всё ещё не вернулся.

Каждый год в Дуанью Сун Юй и Сяо Кань проводили время в Восточном лагере с госпожой Ли и её дочерью. На этот раз, в отсутствие Сун Юя, Сяо Кань отправился туда один.

Сяо Лин, которой исполнилось шестнадцать, стала гораздо сдержаннее и воспитаннее, больше не бросалась на шею при виде Сяо Кана и других.

— Как жаль, что все эти блюда пропадут. Чунцзинь тоже нет, — вздохнула госпожа Ли, глядя на стол, полный деликатесов.

Сяо Лин положила ей в тарелку кусочек еды и ласково сказала:

— Разве мы с братом не здесь, чтобы составить вам компанию? Разве этого мало?

— Да, матушка, разве мы не здесь с вами? — Сяо Кань тоже сделал вид, что всё понимает.

Госпожа Ли постучала Сяо Лин по голове.

— Вы только и знаете, что наслаждаетесь жизнью. Вы даже не представляете, через что прошли ваши дядюшки.

Сяо Лин взяла госпожу Ли за руку.

— Но вы же нам ничего не рассказываете. Как мы можем понять?

Сяо Кань поддержал её:

— Да, матушка, расскажите нам хоть что-нибудь.

Госпожа Ли, видя, что её дети выросли и стали более понимающими, решила, что нет причин

скрывать, и начала рассказывать.

— Ваш дядя Яо, изначально происходил из семьи чиновников, но потом по неизвестным причинам был обвинён в обмане императора, и вся его семья была казнена. В то время ваш дядя Яо было всего восемь лет, и, видимо, ему повезло избежать смерти.

— Когда ваш отец встретил его, ваш дядя Яо уже четыре года скитался, выживая за счёт попрошайничества и уличных представлений. Потом ваш дедушка принял его в ученики, и он стал братом вашему отцу.

Госпожа Ли говорила с болью в сердце.

— А дядя Юй? — спросила Сяо Лин.

Госпожа Ли приложила руку к груди.

— О происхождении вашего дяди Юй я почти ничего не знаю. Ваш отец никогда мне не рассказывал.

В глазах Сяо Кана промелькнуло разочарование.

— Однако, когда ваш дядя Яо нашёл его, ваш дядя Юй лежал в пещере в горах. Ему было около восьми или девяти лет, и он был совсем не таким красивым, как сейчас. Говорят, он был весь в ранах, некоторые из которых уже гноились, и его почти нельзя было узнать.

— После того как ваш дядя Яо вылечил его, его лицо постепенно восстановилось. Но что странно, ваш дядя Юй уже в таком возрасте носил серебряные украшения на ушах, и его лицо было похоже на лицо иностранца. Я предположила, что он, возможно, бежал откуда-то издалека.

После рассказа госпожи Ли и Сяо Кань, и Сяо Лин почувствовали грусть, но, чтобы не испортить праздничное настроение, семья решила перевести тему и провела праздник в гармонии.

В этот раз Сяо Кань снова не согласился остаться у госпожи Ли на несколько дней, хотя Сун Юй, скорее всего, не вернулся бы сегодня. Он просто хотел вернуться и охранять покои Цинъюань.

Во время праздников крепость всегда была полна жизни. Жители Восточного и Южного лагерей навещали друг друга, разводили костры перед Медной башней, пели, танцевали, жарили баранину и пили вино.

По дороге домой Лю Чжице и Ли Шаою перехватили его и предложили выпить. Сяо Кань отказывался дважды, но не смог устоять перед напором Лю Чжице и согласился.

Трое нашли свободное место на площади перед Медной башней и, разрывая баранину, начали пить.

Лю Чжице огляделся.

— Эй, ты слышал новости?

— Что? Опять какие-то слухи? — Ли Шаою привычно поддразнил его.

— Ну, про Линьцзяна. — Лю Чжицзе понизил голос.

Сяо Кань вдруг напрягся.

— Линьцзян? Что с ним?

— Ох, вы, ребята, совсем оторвались от жизни. — Лю Чжицзе с отвращением посмотрел на них.

Ли Шаою разозлился.

— Не тyani, говори уже.

— Ну, недавно тётушка Чжу спустилась в город и встретила Линьцзяна на рынке! — Лю Чжицзе оживился. — Угадай, что она увидела?

Сяо Кань тоже заволновался.

— Ты можешь сразу всё рассказать?

— Говорят, Линьцзян обнимался с каким-то мужчиной на балконе цветочного дома! — Лю Чжицзе чуть не подпрыгнул от возбуждения.

Первой мыслью Сяо Кана был Гуань Яо.

— Кто это был?

— Тётушка Чжу сказала, что не разглядела, видела только спину. — Лицо Лю Чжицзе выражало сложные эмоции.

Ли Шаою, однако, казался совершенно спокойным.

— И что? Я думал, что-то серьёзное.

— Шаою, ты что, знаешь что-то? — Лю Чжицзе с любопытством посмотрел на него.

Ли Шаою с уверенностью ответил:

— Даже если тётушка Чжу действительно видела это, в этом нет ничего удивительного. В нашей крепости ведь есть и другие, кто любит представителей своего пола. Взгляни на дядю Яо — он ведь открыто говорит об этом.

— Ммм... Ты прав, я, пожалуй, слишком разволновался. — Лю Чжицзе смущённо глотнул вина.

Сяо Кань же уже унёсся мыслями далеко.

Судя по всему, Чжао Линьцзян вряд ли был близок с другими мужчинами, так что человек на балконе, скорее всего, был Гуань Яо. Если Гуань Яо был внизу, возможно, Сун Юй тоже где-то рядом.

Думая об этом, Сяо Кань решил на следующий день навестить Чжао Линьцзяна и попытаться узнать, где Сун Юй.

Позже толпа на площади постепенно разошлась, и они все разошлись по домам.

<http://bllate.org/book/16311/1471505>